

Sonderdruck aus:

INSTITUT D'ÉTUDE DE LA LITTÉRATURE RUSSE DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES, SAINT-PÉTERSBOURG
UNIVERSITÉ DE STRASBOURG

NIKOLAÏ KARAMZIN ÉCRIVAIN

Sous la direction de
N. Kotchetkova, A. Veselova et R. Baudin

Saint-Pétersbourg
Maison d'édition «Pouchkinski Dom»
2018

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
СТРАСБУРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАРАМЗИН- ПИСАТЕЛЬ

Под редакцией
Н. Д. Кочетковой, А. Ю. Веселовой, Р. Бодэна

Санкт-Петербург
Издательство «Пушкинский Дом»
2018

Глава 16
ЭЛЕГАНТНОСТЬ КАК АРГУМЕНТ:
РИТОРИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ОДНОГО ПОНЯТИЯ В ПОЛЕМИКЕ
А. С. ШИШКОВА И Н. М. КАРАМЗИНА*

А. В. АНАНЬЕВА
 Лондон

1

В 1801 г. Н. М. Карамзин и П. П. Бекетов начинают публикацию периодического издания под названием «Пантеон Российских авторов», «желая, — как заявлено в предисловии, — изъяснить наше усердие ко славе русских писателей».¹ За три года в Московской типографии Бекетова выходят четыре тетради, каждая из которых содержит пять гравированных портретов. Визуальные образы, выполненные граверами собственной мастерской, сопровождаются биографической справкой и кратким описанием творчества каждого автора. Эти словесные портреты принадлежат перу Карамзина.²

В октябре 1802 г. Карамзин обращает внимание читателей «Вестника Европы» на это новое издание; в двадцатом номере журнала он пишет:

* Данная публикация является частью проекта по исследованию феномена элгантности в европейской культуре XIX в. Проект выполняется при финансовой поддержке программы научных исследований и инноваций «Горизонт 2020» Европейского союза в рамках «Мария Склодовская-Кюри гранта» № 655429.

¹ Пантеон российских авторов. М., 1801–1802.

² О начале работы над «Пантеоном» Карамзин сообщил И. И. Дмитриеву в письме от 28 марта 1800 г. В качестве одного из главных источников для его «нотик к портретам русских авторов» послужил «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772). Ср.: Карамзин. Избр., 2, 534 (комм. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко). См. также: Письма Н. М. Карамзина П. П. Бекетову / Публ. Н. Ю. Алексеевой // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 183–185.

«Мы любим портреты и чужестранных писателей: свои должны быть для нас еще интереснее».³ Карамзин подчеркивает, что все 15 портретов «очень изрядно гравированы», но более на их художественных достоинствах не останавливается. Отсутствие каких-либо сведений о технике, материале или даже размере гравюр «Пантеона», вероятно, разочаровало не только издателя Бекетова, но и любого коллекционера графики среди читателей «Вестника». В поиске потенциальной публики для нового издания Карамзин ставит акцент на свойствах словесных портретов, «желая дать идею о слоге их».⁴ В «Вестнике Европы» он соответственно приводит выдержки из текстов о Феофане Прокоповиче, В. К. Тредиаковском и М. В. Ломоносове.⁵ Вводную часть статьи Карамзин отводит теме литературной истории, ход которой по-своему повторяет порядок писательских портретов «Пантеона»: «В начале изображены Боян и Нестор: не нужно сказывать, что одно воображение могло представить черты их. Издатель хотел только напомнить ценителям литературы, что у нас и в древности были сочинители. Но истинный век авторский начался в России со времен Петра Великого: ибо искусство писать есть действие просвещения. Феофан и Кантемир составляют сию первую эпоху; за нею следует эпоха Ломоносова и Сумарокова; третьей должно назвать время Екатерины Великой, уже богатое числом авторов, а четвертой... мы еще ожидаем».⁶

Размышления о смене литературных эпох, попытки определения их границ, обозначение их характерных черт и ключевых авторов мы найдем и в тексте «Пантеона». Хотя здесь им отводится, на первый взгляд, менее видное место: размышления о российской словесности Карамзин поместил в последней части второй тетради, вышедшей в 1802 г., а именно в рамках «словесного портрета» князя А. Д. Кантемира: «Наш Ювенал. Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога. Он писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом

³ Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 20. С. 285.

⁴ Там же.

⁵ Две первые зарисовки вышли во второй и третьей тетрадях «Пантеона», а статья о Ломоносове была написана Карамзиным для четвертой тетради, которая ко времени публикации авторцензии еще находилась в печати.

⁶ Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 20. С. 285.

для современников, так что, разделяя слог наш на эпохи, *первую* должно начать с Кантемира, *вторую* — с Ломоносова, третью — с переводов славяно-русских господина Елагина и его многочисленных подражателей, а *четвертую* — с нашего времени, в которое образуется *приятность слога*, называемая французами *élégance*.⁷

Именно эти строки послужили отправным пунктом для развернутой полемики с Карамзиным А. С. Шишкова, начавшего ее в рамках «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», опубликованного вскоре после выхода «Пантеона», в 1803 г.⁸ Первые 50 страниц «Рассуждения...» непосредственно посвящены спору с выраженным здесь мнением Карамзина, далее следует разбор позиции издателя «Вестника Европы», представленной им в статье «Отчего в России мало авторских талантов?».⁹ А в последней части «Рассуждения...» представлены подробные разборы литературных примеров — «Слова и речи, выписанные из нынешних сочинений и переводов», — иллюстрирующих собственные аргументы Шишкова.

Споры о языке, которые впоследствии велись на страницах трактатов, журналов, в письмах, салонах и кружках, стали хрестоматийной темой в истории русской литературы. Изучению многослойности и динамики этих «споров», не утихавших почти два десятилетия, посвящены фундаментальные работы таких российских филологов, как Я. К. Грот, Ю. Н. Тынянов, В. В. Виноградов, В. Д. Левин, М. Г. Альтшуллер, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, которые, в свою очередь, давно стали классикой литературоведения. Без обращения к их трудам и по сегодняшний день не обойтись при изучении литературных процессов первой половины XIX в. Из последних публикаций российских и зарубежных

исследователей стоит отметить работы Д. Купера и Г. Аргент, которые уделяют особое внимание специфической ситуации *многоязычия* российских элит того времени.¹⁰ В определенном смысле результаты этих исследований в очередной раз подтверждают плодотворность тезиса о «европеизме» нового слога, выдвинутого в свое время Лотманом и Успенским в противовес стереотипному представлению о «галломании» лагеря «карамзинистов».¹¹

Характерной чертой литературных процессов первой половины XIX в. является общеевропейский характер их развития и полиглотизм их участников. Соответственно, ситуация многоязычия и панъевропейская перспектива входят в число основных предпосылок, необходимых для исследования литературных и эстетических категорий этого времени в целом и для постановки вопроса о феномене элегантности в частности. В данной статье речь пойдет об одном случае в истории этого феномена, для характеристики которого участники рассматриваемой полемики использовали понятие *элеганс*.¹² Нас интересует упомянутое словоупо-

⁷ [Карамзин Н. М.] Князь Кантемир // Пантеон российских авторов. 1802. Ч. 1. Т. 2. С. нenum.

⁸ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. Значительно дополненное переиздание «Рассуждения...»: Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. II. С. 1–356. Далее ссылки на последнее издание приводятся в тексте сокращенно (*Рассуждение*), с указанием номера страницы.

⁹ [Карамзин Н. М.] Отчего в России мало авторских талантов? // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 14. С. 120–128 (подпись: Ф. Ц.).

¹⁰ Книга Д. Купера освещает дискуссию о русском национальном языке в контексте общеславянских литературных исканий: Cooper D. L. Creating the Nation. Identity and Aesthetics in Early Nineteenth-Century Russia and Bohemia. DeKalb, 2010. Исследование Г. Аргент фокусирует основное внимание на развитии полемики Шишкова с Карамзиным в свете русско-французских языковых контактов: Argent G. The linguistic debate between Karamzin and Shishkov: Evaluating Russian-French language contact // French and Russian in Imperial Russia: In 2 vols. Edinburgh, 2015. Vol. 2. P. 100–117. Среди новых работ на тему многоязычия европейских элит см.: Krueger R. Czech, German, and Noble: Status and National Identity in Habsburg Bohemia. Oxford, 2009; Enlightenment Cosmopolitanism. Oxford, 2011; European Francophonie: The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language. Bern, 2014; The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825. Public Role and Subjective Self. DeKalb, 2016.

¹¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в Царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. [Вып.] XXIV. С. 168–254 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 358).

¹² Забегая вперед, отметим, что в картотеке «Словаря русского языка XVIII века» первое употребление русской словоформы зафиксировано именно в связи с этой полемикой, причем в качестве примера служит использование слова *элеганс*

требление в тексте Карамзина, вызвавшее столь сильное и в публицистическом плане столь продуктивное негодование Шишкова: что стоит за «приятностью слога» «нашего времени», «называемой французами *élégance*»? Какие риторические и эстетические составляющие делают *элеганс* спорным — или может быть все-таки веским — аргументом в полемике о языке литературы раннего XIX в.?

2

Для начала приведем выдержку из небезызвестной реакции Шишкова на оценку Карамзиным современной литературы как эпохи, в которую «образуется приятность слога, называемая французами *élégance*»: «Я долго размышлял, вподлинну ли сочинитель сих строк говорит сие от чистого сердца, или издевается и шутит: как? нелепиду нынешнего слога называет он приятностию! совершенное безобразие и порчу оно, образованием! <...> Правда, ежели французское слово *élégance* перевести по-русски *чепуха*, то можно сказать, что мы действительно и в краткое время слог свой довели до того, что погрузили в него всю полную силу и знаменование сего слова!» (*Рассуждение*, с. 4).

Бесспорно, Шишкова не могли оставить равнодушным не только отсылка к французскому дискурсу как к авторитету, но и само присутствие иноязычного слова, использованного здесь для характеристики современного состояния *российской* литературы. Не менее очевидно, что Карамзин в данном контексте не мог случайно или необдуманно выбрать это французское выражение. Можно было бы предположить, что в данном случае мы имеем дело лишь со стилистическими издержками «щегольского наречия», в котором соседство русских и иноязычных слов не было редкостью.¹³ Тем более что одновременное использование французского и русского языков было характерно и для

Шишковым. Благодарю Ирину Алексеевну Мальшеву за предоставленную возможность ознакомиться с материалами группы Исторической лексикологии (Словарь русского языка XVIII века) Института лингвистических исследований РАН.

¹³ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 473, 510–514, 513–536.

бытовой речи Карамзина.¹⁴ Подобная, по выражению Шишкова, «невразумительная смесь» (*Рассуждение*, с. 44) в разговорном языке «щеголей» и «щеголих» является распространенным сюжетом сатирических произведений российских авторов уже во второй половине XVIII в.¹⁵ Ее проникновение в произведения «новомодных писателей» (*Рассуждение*, с. 14) в начале нового столетия становится одним из излюбленных объектов критики сторонников чистоты языка и одной из основных тем в «Рассуждениях...» Шишкова. Но принимая во внимание, что в случае «Пантеона» французское слово *élégance* находит применение в контексте высокой оценки *чистоты* языка Кантемира, предположение «модного щегольства» в данном случае все-таки следует отбросить, поскольку при определении образцового характера речи категории «чистота», «приятность» и *элеганс* стоят в одном семантическом ряду.

Начиная с первого латинского пособия по красноречию, «Риторика для Геренния», термин *elegantia* фиксирует идеальное представление о речи как «чистой и ясной».¹⁶ Именно он объединяет, таким образом,

¹⁴ Там же. С. 535.

¹⁵ О «щегольском наречии» как литературном приеме см. основополагающую работу: Биржакова Е. Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 96–129. См. также: Покровский В. И. Щеголи в сатирической литературе XVIII века. СПб., 1903. Одна из последних публикаций на эту тему: Offord D. Linguistic gallophobia in Russian comedy // French and Russian in Imperial Russia. Vol. 2. P. 79–99.

¹⁶ Rhetorica ad Herennium (Rhet. Her.) IV, 17, XII: «Quoniam quibus in generibus elocutio versari debeat dictum est, videamus nunc quas res debeat habere elocutio commoda et perfecta. Quae maxime admodum oratori adcommodata est tres res in se debet habere: elegantiam, compositionem, dignitatem. / Elegantia est quae facit ut locus unus quisque pure et aperte dici videatur. Haec tribuitur in Latinitatem et explanationem. / Latinitas est quae sermonem purum conservat, ab omni vitio remotum. <...> / Explanatio est quae reddit apertam et dilucidam orationem. Ea comparatur duabus rebus, usitatis verbis et propriis» ([Cicero]. Ad C. Herennium de Ratione Dicendi (Rhetorica ad Herennium). London; Cambridge Mass., 1964. P. 267) Пер.: «Определившись с типами словесного выражения, рассмотрим теперь те черты, которые делают стиль речи приятным и совершенным. Чтобы полностью соответствовать ораторским целям, речь должна обладать тремя качествами: элегантностью, стройностью и достоинством. Благодаря элегантности речи любая тема может быть выражена понятно и доходчиво. Это качество объединяет

в одно качество два ключевых требования, которые используются для характеристики мастерства стиля. Традиционно эти требования содержатся в греческом понятии *ελληνισμός* и его латинском соответствии *latinitas*, подразумевающих «чистоту» риторически организованной речи. Значение «ясность» связано с классическим понятием *σαφήνεια* и его латинским вариантом *explonatio*. Под чистотой языка при этом подразумевается как грамматическая верность, так и правильный выбор слов и порядка их употребления. Ясность языка нацелена на использование общепринятых слов, употребленных в обычном смысле и соответствующих предмету.¹⁷ Объединяя чистоту и ясность, латинский термин *elegantia* подчеркивает процесс выбора выразительных средств, а в силу семантического ядра глагола *eligere* ставит акцент на «избранности» результата и его «выдающемся» характере.¹⁸

Благодаря латинским риторикам термин *elegantia* вплоть до XVIII в. продолжает занимать ведущую позицию среди характеристик идеальной

в себе требования чистоты и ясности. Чистота речи состоит в ее правильности и в отсутствии любых погрешностей. <...> Ясность делает речь простой и понятной. Она достигается благодаря использованию привычных слов и точных выражений» (перевод здесь и далее мой. — А. А.).

¹⁷ Ср.: *Albertini T. Elegantia // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Berlin, 1994. Bd 2. Sp. 991–994; Стрельникова И. П. «Риторика для Геренния» // Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976. С. 82.*

¹⁸ Отметим, что значению «избранный» в древнерусском литературно-книжном языке соответствует употребление слова «изящный». В этой связи показателен тот факт, что множество примеров из картотеки древнерусского словаря XIII—XVII вв. (Институт русского языка РАН), приведенных Виноградовым в связи с историей слова «изящный», соответствует обозначенной выше семантике латинского термина *elegantia*. Вплоть до XVIII в. «изящность» непосредственно поясняется словом «выборность» и «изрядность». См.: *Виноградов В. В. История слова изящный (В связи с образованием выражений изящная словесность, изящные искусства) // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. С. 434–442. Дополненная публикация по полному авторскому тексту статьи «Изящный»: Виноградов В. В. История слов. Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М., 1999. С. 217–226.*

формы словесного выражения. При этом риторические требования нормативной стилистики соотносятся не только с произведениями ораторского искусства, но и с литературой в целом.

В контексте российской литературы нового времени, или «истинного века авторского» по выражению Карамзина, представление об эlegantной речи мы найдем, в частности, в латинских трактатах Феофана Прокоповича¹⁹ (в «Пантеоне» Феофану Прокоповичу отводится место во второй тетради, т. е. в непосредственном соседстве с Антиохом Кантемиром). Его пособие по риторике 1706 г., как отметила Р. Лахманн, пронизано идеей универсального характера правил красноречия и содержит размышления автора-полиглота об их реализации в различных национальных языках, в том числе и в славянских.²⁰ На фоне потенциального многоязычия чистота и ясность словесного выражения сохраняют ключевое значение в учении о стиле.²¹ Эlegantность речи, в соответствии с требованиями понятия *elegantia*, в «Риторике» Феофана Прокоповича используется как оценочная категория.²² Причем ее требования применяются и к низким стилям речи.²³

С постепенным развитием риторического дискурса в русском языке присутствие термина *elegantia* перестает быть столь очевидным, как

¹⁹ *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X (1706) / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982.* В научный оборот еще не введен перевод «Риторики» Феофана Прокоповича на русский язык, выполненный Г. А. Стратановским в середине 1960-х гг. Его изучение и подготовка к изданию являются целью текущего проекта под руководством С. И. Николаева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (грант РГНФ 15-04-00117). Предстоящие публикации этого проекта создадут необходимую основу для будущего терминологического анализа риторических категорий, в том числе и интересующей нас *elegantia*.

²⁰ *Lachmann R. Einleitende Untersuchung // Feofan Prokopovič. De arte rhetorica. S. XIII–CII; см. в особенности: S. LXXXV.*

²¹ См. анализ идеала пуризма и единства требований «clare & plane» в риторике Феофана Прокоповича: *Lachmann R. Einleitende Untersuchung. S. LXXXV.*

²² *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica. S. 206–208.* В частности, как один из аспектов при сравнении разных языков: «...saepe in una lingua habent vim gvandam et elegantiam, quam in alia non habent» (Там же. S. 207). Пер.: «...часто они [выражения] обладают силой и эlegantностью в одном языке и не имеют их в другом».

²³ *Lachmann R. Einleitende Untersuchung. S. LXXXVIII.*

это еще было в случае с трактатом Феофана Прокоповича, оказавшим значительное влияние на русскую литературную эстетику XVIII в., или с «Риторикой» Порфирия, лекции которого конспектировал Ломоносов.²⁴ Так, например, в трудах по риторике Ломоносова на месте латинского термина, вынесенного Порфирием в заголовок, существует семантическое поле эlegantного стиля, для содержательного наполнения которого используются выражения «избранные речи» и «пристойные слова» наряду с эпитетами «понятный», «вразумительный», «приятный» и т. д.²⁵ Каким образом строятся взаимоотношения между понятием и адекватным русским термином или терминами, еще предстоит проследить.²⁶

Пособия по красноречию XVIII в. отражают не только развитие национальной риторической терминологии, но и постепенное сближение риторически организованной речи и разговорной практики. Этот процесс носит панъевропейский характер и постепенно приводит к некоей эстетической неопределенности критерия «эlegantности». Причина этой неопределенности заключается в том, что требование «чистоты и ясности» постепенно ставится в зависимость от «привычных» форм выражения; причем привычных как в разных стилях речи, так и в разных языках, что значительно усложняет процесс «отбора». В европейских риторических руководствах первой половины XVIII в. это усложнившееся положение вещей призвано контролировать принцип *decorum*,

т. е. приличия или уместности.²⁷ Однако уже в середине XVIII в. место риторического принципа «уместности» в качестве новой регулирующей силы занимает эстетическая категория «вкуса». Соответствующие новые требования формулируются в трактатах, написанных уже, как правило, не на латинском, а на современных европейских языках, в том числе на французском, утверждающем себя в роли нового универсального языка. Интересно, что в ситуации смещения нормативного полюса с декорума на вкус, т. е. с риторики на эстетику, термин *elegantia* снова приобретает актуальность и появляется в ряде европейских языков в новом облике: во французском языке — *l'élégance*,²⁸ в английском — *elegance*,²⁹ в немецком — *Eleganz*.³⁰

²⁴ [Порфирий (Крайский П. Н.)]. *Artis Rhetoricae praecepta tres in libros divisa atque ad instruendum oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere dicendi tradita Moscoviae. Ex anno 1733 in annum 1734, Octobris 17* // РГБ. Ф. 183. Карт. 1. Ед. хр. 279. Л. 160–287 («Правила искусства красноречия в трех книгах для обучения ораторов основам элоквенции в целях достижения эlegantного стиля во всех типах речи, читанные в Москве в 1733–1734 гг.»).

²⁵ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия (1744) // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758. С. 23, 24, 69–70, 71, 77.

²⁶ Ответить на вопрос, какие из этих выражений используются как аналоги латинского термина *elegantia*, поможет словарное описание риторической терминологии Ломоносова, готовящееся к публикации. См.: Риторика М. В. Ломоносова: проект словаря / Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб., 2013.

²⁷ См. на российском материале: Лахманн Р. Два этапа риторики «приличия» (*decorum*) — риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. М., 1989. С. 149–169.

²⁸ Ср. словарную статью в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера: «*Élégance*, s. f. (*Belles-Lettres*) ce mot vient, selon quelques-uns, d'*electus*, choisi; on ne voit pas qu'aucun autre mot latin puisse être son étymologie: en effet, il y a du choix dans tout ce qui est élegant. L'*élégance* est un résultat de la justesse & de l'*agrément*. On employe ce mot dans la Sculpture & dans la Peinture» (*Voltaire* [François-Marie Arouet]. *Élégance* // *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, 1765. Vol. 5. P. 482–483). Пер.: «Эlegantность (художественная литература): это понятие происходит, предположительно, от латинского слова “избранный”; нам неизвестно какое-либо иное этимологическое объяснение: действительно, избранность видна во всем, что эlegantно. Эlegantность является результатом слияния точности и приятности. Это понятие используется также по отношению к скульптуре и живописи».

²⁹ Ср. словарную статью в первом издании словаря С. Джонсона: «*Elegance, Elegancy* n. [*elegantia*, Latin.] Beauty of art; rather soothing than striking; beauty without grandeur <...>. *Elegant*. adj. [*elegans*, Latin.] 1. Pleasing with minuter beauties. <...> 2. Nice; not coarse; not gross» (*Johnson S. A Dictionary of the English Language*. London, 1755. P. 681–682). Пер.: «Эlegant, эlegantность (от лат. *elegantia*): красота искусства, скорее умиротворяющая, чем захватывающая, красота без пышности <...>. Эlegantный (от лат. *elegans*). 1. Доставляющий удовольствие благодаря скромным красотам. <...> 2. Милый, не грубый, не крупный».

³⁰ В словаре немецкого языка И. Аделунга статья включена в дополнительный том заимствованных слов, изданный И. Ф. Кампе: «*Eleganz*, Franz. *Elegance* (spr. *Eleganz*'), die Zierlichkeit, Nettigkeit, N. D. die Schmuckheit. <...> *Elegant*, als

И если латинская *elegantia* объединяла в одно качество чистоту и ясность, характеризуя правильный или «приличный» выбор слов, то в эстетическом семантическом поле модернизированного понятия *элеганс* становится оценочной категорией наличия или отсутствия *вкуса*, т. е. характеризует правильный выбор или *избранность* выразительных средств вообще. Таким образом, эти критерии распространяются на все области, потенциально относящиеся к сфере эстетического. С понятием *элеганс* современники Карамзина и Шишкова в целом связывали определенный инновативный импульс, сопровождающий трансформацию традиционного риторического термина в некую социально-эстетическую концепцию.

3

На фоне этих трансформаций *элеганс* сохраняет терминологическое значение для литературы и литературной критики. Словари французского языка даже фиксируют представление об эlegantности как синониме элоквенции.³¹ Не удивительно, что и в этом контексте ее семантическая структура тоже усложняется. К тому моменту, когда завязывается спор о новом слоге русского языка, в дополнение к изначальному объединению требований «чистоты и ясности» понятие *элеганс* включает в себя еще и категорию «приятность». Генетически она связана с реализацией одной из основных целей красноречия — *delectare* — слог

Umstand- und Beilegewort, zierlich, nett. Geschmacksvoll würde den Begriff noch besser ausdrücken...» (*Campe J. H. Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke. Ein Ergänzungsband zu Adelung's und Campe's Wörterbüchern. Braunschweig, 1813. S. 282*). Пер.: «*Эlegantность*, от франц. *Élégance* (произносится элеганс), изящность, приятность, ниже-немецкий: ухоженность. <...> *Эlegantный*, в качестве прилагательного: изящный, милый. Еще лучше значение этого слова передает выражение «со вкусом»...».

³¹ Первое издание словаря синонимов Габриэля Жирара вышло в свет в 1718 г. и после этого многократно переиздавалось. Кроме того, статья об эlegantности из этого словаря была включена в новое издание «Энциклопедии». См.: [Girard G.]. *Élégance* // *Encyclopédie méthodique: Grammaire et littérature. Paris. 1782. Vol. 1. P. 676*.

должен нравиться слушателям.³² В рамках такого модернизированного представления критерий «приятного» становится главной эстетической составляющей, позволяющей оценить качества *чувственного* восприятия. Рост значения «доставлять удовольствие и нравиться» особенно ярко выражен в толковом словаре английского языка С. Джонсона.³³ Причем этот современник Ломоносова последовательно применял термин *elegance* в своей литературной критике.³⁴ Уточнение эстетических составляющих модернизированного понятия наблюдается в статьях и трактатах Вольтера и Мармонтеля.³⁵ Эти представления постепенно приобретают нормативный характер в Европе благодаря публикации выдержек из их произведений в первом (1765) и втором (1782) изданиях французской «Энциклопедии».

³² Например, у Цицерона этой цели полностью подчинен средний стиль. Однако в рамках элоквенции он не выделяет *эlegantность* как отдельную категорию: «Словесное выражение должно было отвечать четырем главным требованиям: правильности (*latinitas, ελληνισμός*), ясности (*plana elocutio, σαφήνεια*), уместности (*decorum, πρέπον*), пышности (*ornatus, κατασκευή*)» (*Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972. С. 22*).

³³ *Johnson S. Elegance, Elegant // A Dictionary of the English Language. P. 681–682*.

³⁴ Ср.: *Ingham P. Dr. Johnson's "Elegance" // The Review of English Studies. 1968. Aug. Vol. 19. № 75. P. 271–278*.

³⁵ Ср. статьи «*Élégance*» в издании «Энциклопедии» 1782 г.: *Encyclopédie méthodique. Paris. 1782. Vol. 1. P. 674–675* (Вольтер), 675–676 (Мармонтель). В последнем случае речь идет о фрагменте об эlegantности стиля из главы «*Du stile poétique*» (Поэтический стиль) трактата Мармонтеля «*Poétique française*» («Французская поэтика»). См.: *Marmontel J.-F. Poétique française. Paris, 1763. T. 1. P. 114–123*. Этот фрагмент не был включен в статью «Эlegantность» первого издания «Энциклопедии». Позже, уже в виде самостоятельной главы под заголовком «*De l'élegance du style*» («Эlegantность стиля»), он вошел в книгу Мармонтеля «*Принципы элоквенции*» ([Marmontel J.-F.]. *Principes d'éloquence de Marmontel, extraits de ses Elements de littérature. Paris, 1809. P. 357–362*). Карамзин был знаком с трактатом Мармонтеля и даже обыграл этот факт в одном из эпизодов «Писем русского путешественника». Так, в 97-м письме он упоминает, что, ожидая приема в одном из парижских домов, он сидел в гостиной, «перевортывая листы в Мармонтелевой Поэтике» (*Письма русского путешественника, с. 222*). Благодарю за указание на этот эпизод Н. Д. Кочеткову.

Все основные составляющие термина «элеганс» были известны и относительно широкому кругу российской публики. В сжатой форме высказывания об этом понятии, содержащиеся во французской «Энциклопедии», были переданы на страницах «Полного французского и русского лексикона», вышедшего в свет в 1786 г. в Петербурге. Здесь на *элеганс* отводится три статьи, в которых это слово переводится как «красноречие», как «приятность или хороший вкус», который проявляется в «живописи, скульптуре, архитектуре и в некоторых других искусствах». ³⁶ Показательно, что «приятность» в качестве русского соответствия присутствует во всех трех определениях.

Таким образом, на момент использования Карамзиным французского выражения *élégance* для семантической неоднозначности оставалось мало места; соответственно и полемическая шпилька Шишкова, предлагавшего собственный перевод французского слова, была, без сомнения, остра. Следует предположить, что трансформация привычного для многоязычной российской элиты французского слова в русский неологизм *элеганс* и его введение в литературный язык не входило в его планы и оказалось ироническим поворотом в истории русского языка. ³⁷

Выделяя «приятность слога» как характерную черту современной литературы, Карамзин, по всей видимости, стремится придать эстетическому характеру своей оценки некую терминологическую силу и поэтому обращается к понятию *элеганс*, которое на рубеже XVIII и XIX вв.

³⁶ Полный французский и русский лексикон... СПб., 1786. Ч. 1. С. 376.

³⁷ Ср. карточку «элеганс» в картотеке «Словаря русского языка XVIII века» Института лингвистических исследований РАН с выпиской из первого издания «Рассуждений...» (Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге... СПб., 1803. С. 28–29). В качестве примера здесь зафиксирована последняя фраза из следующего фрагмента: «В показанных ниже сего примерах мы яснее увидим, какой нелепый слог рождается от сих русско-французских слов. <...> По мнению нынешних писателей великое было бы невежество, нашед в сочиняемых ими книгах слово *переворот*, недогадаться, что оно значит *revolution*, или по крайней мере *revolle*. <...> Вот беда для них, когда кто в писаниях своих употребляет слова: *брашно, требище, рясна, водчество, доблесть, прозябать, наитствовать*, и тому подобные, которых они сроду не слыхивали, и потому о таковом писателе с гордым презрением говорят: *он педант, провонял славянщиною и не знает французского в штиле элегансу*» (Рассуждение, с. 29).

ею обладало. ³⁸ И если внимательно проследить ход «рассуждений» Шишкова, то становится ясно, что и оппонент Карамзина признает требования, включенные в понятие *элеганс*, в качестве нормативных критериев стиля. Так в первой части «Рассуждений...» Шишков использует риторические и эстетические требования чистоты и приятности, чтобы обосновать собственную позицию. Во-первых, он находит соответствия признакам *элеганс* в произведениях российских авторов *предыдущих* эпох. Анализируя, в частности, поэтические тексты Ломоносова и Сумарокова, Шишков выражает в целом свое несогласие с низкой оценкой литературы прошлого, которую дает Карамзин. Во-вторых, Шишков отрицает наличие *элеганс* у современных авторов, т. к. вместо характерного «сладкогласия и чистоты» (Рассуждение, с. 16) слога он видит в их текстах только «смесь» (Рассуждение, с. 44) и «чужеречие» (Рассуждение, с. 366).

Спорной в «споре о языке» оказывается не *элеганс* как аргумент, а эстетическая *неопределенность оценки* наличия или отсутствия объединенных в этом понятии качеств; поэтому собственно предметом полемики становятся критерии *отбора* того, что же должно «нравиться» и соответственно оцениваться как «приятное». Очевидно, что Шишкову и Карамзину приятны не одни и те же авторы и тексты.

Показательно, что Карамзин опирается на понятие *элеганс* при характеристике большинства авторов «Пантеона» и использует «приятность слога» в качестве оценочной категории. ³⁹ Степень эlegantности стиля первых двух авторов нового периода словесности, Феофана Прокоповича и Кантемира, Карамзин при этом оценивает по-разному. Если Кантемир, как мы видели, писал, по его мнению, «довольно чистым слогом», то

³⁸ Ananieva A. Medien und Praktiken der eleganten Welt. Annäherungen an einen urbanen Lebensentwurf des 19. Jahrhunderts // Zirkulation von Nachrichten und Waren: Stadtleben, Medien und Konsum im 19. Jahrhundert. Ausst.-Kat. Bonatzbau Universitätsbibliothek Tübingen (6.11.2015 — 6.1.2016). Tübingen, 2016, S. 11–24.

³⁹ Чистота слога и приятность вкуса также регулярно используются при характеристике авторов в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новикова (1772), которым пользовался Карамзин при написании словесных портретов для «Пантеона».

по отношению к Феофану Карамзин отмечает: «В речах его, духовных и светских, рассеяно множество цветов красноречия, хотя слог их *нечист* и, можно сказать, *неприятен*». ⁴⁰ Отдавая должное вкладу Ломоносова в развитие российской словесности, Карамзин невысоко оценивает эстетические качества его произведений, также используя критерий *элеганс* как аргумент: «Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его *утомительны*, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, *не всегда приятно* для слуха...» (Карамзин. Избр., 2, 168). ⁴¹

Понятно, что Шишков не может согласиться с этим мнением. Так, на примере ряда поэтических текстов Ломоносова он демонстрирует, что тот заслуживает первенства среди российских авторов не только как оратор (т. е. благодаря мастерству риторике), но и как поэт новой эпохи с характерной для нее «приятностью слога»: «...Какое сладкогласие и чистота слога в двух последних стихах! Верьте после сего *несомненной истине* писателей наших, что ныне токмо образуется приятность слога, называемая Французами *élégance*! Везде глубокое знание языка показуется в цветах, рождающихся под живописною кистью сего великого стихотворца» (Рассуждение, с. 16).

В ходе полемики с Карамзиным Шишков многократно применяет критерии «элегантного стиля», т. е. приятность, правильность и ясность речи, но использует само выражение «французский элеганс» или иронически, или как чужое слово. Оппоненты Шихова тоже часто обращаются к этому выражению, используя разные словоформы. ⁴²

⁴⁰ Пантеон. 1802. Ч. 1. Т. 2. С. нenum. Ср.: Карамзин. Избр., 2, 160 (здесь и далее курсив мой. — А. А.).

⁴¹ По отношению к Сумарокову, словестный портрет которого не был опубликован в первом издании «Пантеона», Карамзин отмечает: «В трагедиях своих он старался более описывать *чувства*, нежели представлять *характеры* в их эстетической и нравственной истине; не искал чрезвычайных положений и великих предметов для трагической живописи, но, в надежде на *приятную кисть* свою, основывал драму всегда на самом обыкновенном и простом действии» (Карамзин. Избр., 2, 169–170).

⁴² В письмах и статьях, отобранных Шишковым для дополненной публикации «Рассуждений» 1824 г., понятию «элегантность» соответствуют выражения,

Не удивительно, что в определенный момент Шишков решает «навести порядок» и пишет подробный комментарий к собственному полемическому заострению карамзинского выражения *élégance*. В рамках этого комментария он предлагает несколько русских соответствий, а именно «благоязычие, чисторечие, краснословие» (Рассуждение, с. 5–6). Словесный выбор Шихова демонстрирует, что из всех составляющих *элеганс* он отдает предпочтение чистоте и ясности.

В то время как Шишков в завершение полемики признает, что «с излишним жаром ополчился противу слов, не заслуживающих толь строгого осуждения», и даже утверждает, что *элеганс* в обличии «благоязычия» может придать русской литературе «новый блеск и чистоту» (Рассуждение, с. 5), Карамзин выбирает иное поведение. И это поведение можно было бы, в соответствии и с риторическими, и с эстетическими составляющими модернизированного понятия, оценить как элегантно. Во-первых, он не принимает участия в полемике, направленной против его высказываний, демонстрируя хороший вкус и следуя правилам приличия. Во-вторых, Карамзин отбрасывает французское выражение в спорной фразе в собрании сочинений 1820 г. и таким образом следует требованию «чистоты и ясности», отдавая предпочтение «приятности слога».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение изначальных и отредактированных в 1820-х гг. вариантов «Пантеона...» и «Рассуждения...» показывает, что и Карамзин, и Шишков осмысленно используют выражение *элеганс* в разных словесных и понятийных формах или избегают его. В ходе полемики, развернутой Шишковым, становится явным, что оба автора находятся в поиске адекватного словоупотребления и наиболее убедительного применения аргументов, связанных с понятием *элеганс* по отношению к российским литературным процессам.

написанные и по-французски, и по-русски, с прописной и со строчной, склоняемые и несклоняемые словоформы, являющиеся вариантами слов *приятность*, *чистота*, *гармония*, *изящество* и т. д.

Среди всех риторических и эстетических составляющих этого понятия Шишков отдает предпочтение его риторическому ядру, в то время как в позиции Карамзина скорее находят отражение поиски новой эстетической программы.⁴³ Соответственно один склоняется к выражению «благоязычие», а другой предпочитает «приятность». Ни Шишков, ни Карамзин не используют в этой связи слово «изящность», несмотря на то, что старославянское происхождение этого русского слова, в корне полностью соответствующего латинскому *elegantia*, должно было бы удовлетворить Шишкова, а его отношение к сфере эстетических качеств убедить Карамзина.⁴⁴

В целом направление поисков и логику постепенного сближения позиций Шишкова и Карамзина следует рассматривать в свете общеевропейских дискуссий, которые ведутся вокруг понятия «элегантность» и не могли быть освещены в достаточной мере в рамках данной статьи.

⁴³ О поисках новой эстетической программы Карамзиным в 1802–1803 гг. подробнее см.: Макогоненко Г. П., Берков П. Н. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин. Избр., 1, 5–76; Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 118–119.

⁴⁴ См. упомянутое выше исследование Виноградова. Завершая разбор истории слова «изящный», Виноградов использует фрагмент из первого издания «Пантеона», чтобы продемонстрировать, что именно у Карамзина намечается сближение слов «изящный» и «элегантный», подхваченное позже П. А. Вяземским. Словарная фиксация русской словоформы «элегантный» как слова, заимствованного из французского языка с латинским корнем в значении «изящный», происходит, однако, значительно позже, см.: Элегантный // 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / Сост. А. Д. Михельсон. М., 1866. С. 759.

Summary

Chapter 16. ARGUING ABOUT ELEGANCE. TERMINOLOGY, AESTHETICS AND RHETORICS IN THE POLEMICS BETWEEN ALEXANDER SHISHKOV AND KARAMZIN (*Ananieva A.*, London, Great Britain)

In the centre of the chapter lies the category of *elegance*. This case study focuses on the rise of elegance as a phenomenon of intensification of life through aesthetics. Reconstructing the historical semantics of elegance, it traces the transformations of the Classical rhetoric concept of *elegantia*. It focuses on how the style of speaking and writing, in which *elegantia* expressed itself in terms of “eloquence”, was increasingly replaced by other strategies of distinction. The category eventually added up to what can be called an “elegant lifestyle”. The chapter addresses some aspects of the language of the elegant community in Russia around 1800, partly related to the well-known disapproval of “shchegolskoy zhargon”. It shows, in particular, the rhetorical developments of *elegantia* in the light of the most controversial polemics about modern Russian literature, which started between Alexander Shishkov and Karamzin at the beginning of the 19th century.

371

Résumé

Chapitre 16. L'ÉLÉGANCE COMME SUJET DE DISPUTE: LES DIMENSIONS STYLISTIQUES ET POLITIQUES D'UNE NOTION RHÉTORIQUE DANS LA POLÉMIQUE DE CHICHKOV ET KARAMZIN (*Ananieva A.*, Londres, Grande-Bretagne)

Ce chapitre interroge la catégorie de *l'élegance*, en l'examinant depuis le moment de son apparition comme phénomène d'intensification de la vie par l'esthétique. Reconstituant l'histoire des diverses significations du terme, il éclaire

les transformations du concept rhétorique classique *d'elegantia*, en montrant comment la manière de parler ou d'écrire, dans lesquels *l'elegantia* s'exprimait en termes « d'éloquence », fut graduellement remplacée par d'autres stratégies de distinction. De fait, la catégorie s'enrichit de celle que l'on pourrait appeler « la vie élégante ». À ce titre, le chapitre s'intéresse à certains aspects du langage de la communauté des élégants en Russie autour de 1800, en se penchant notamment sur les réactions de désapprobation que suscita le « jargon des élégants » (« shchegolskoj zhargon »). Il s'arrête, entre autres, sur les développements rhétoriques que connut la notion *d'elegantia* dans le cadre de la polémique sur la littérature russe moderne, qui opposa Karamzin à Alexandre Chichkov au début du 19e siècle.